

0107

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кейтлин Крюс

ВОЖДЕЛЕННАЯ
НАГРАДА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Кейтлин Крюс

Вожделенная награда

«Центрполиграф»

Крюс К.

Вожденная награда / К. Крюс — «Центрполиграф»,
— (Любовный роман – Harlequin)

Могут ли месть и удовольствие идти рука об руку? Тристанна всю жизнь избегала таких мужчин, как Никос, но теперь у нее нет выбора. Она готова принести себя в жертву...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кейтлин Крюс

Вожденная награда

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Никос Катракис был, без сомнения, самым опасным человеком на шикарной яхте. Как правило, Тристанне Барбери хватало одного взгляда на такого мужчину, настолько явно излучающего силу, чтобы потом держаться от него как можно дальше.

Любой мужчина, одним своим присутствием заставляющий потускнеть сияние средиземноморских вод, был слишком сложен для Тристанны, но она напомнила себе, с трудом разжимая кулаки, что речь сейчас не о ней, а о ее матери и ее невообразимых долгах, и Тристанна сделает все, что должна, чтобы спасти свою мать.

На борту было много богатых влиятельных мужчин, плечом к плечу стоявших у перил и смотревших на сверкающий Лазурный Берег, засаженные оливковыми деревьями холмы и светлые фасады порта Вильфранш-сюр-Мер слева, красные крыши вилл на мысе Кап-Ферра справа и раскинувшуюся вокруг них бухту Вильфранш, мерцающую в лучах полуденного солнца. Однако Никос Катракис отличался от них, и не только тем, что яхта принадлежала ему и его окружала почти видимая собственническая аура. Дело было даже не в ощутимой физической силе, на которую он, казалось, накинута покрывало спокойствия, разлитого по всей его фигуре, с нарочитой небрежностью одетой в легкие джинсы и белую рубашку с расстегнутым воротом. Дело было в нем самом: в том, как он стоял, властный и отстраненный, один в центре собственной вечеринки. Он излучал яростную энергию, одновременно привлекая внимание и отпугивая всех, кроме самых смелых. Этот эффект не ослабел бы, даже если бы он был некрасив, каковым – во всех смыслах – он не был. По позвоночнику Тристанны прошла волна дрожи; она не могла отвести глаз от Никоса. Он был еще более могучим, чем ее отец, но не таким холодным. Почему-то ей казалось, что он не был бесчеловечным, как ее брат, Питер, человек настолько жестокий, что отказался оплачивать медицинские счета ее матери.

Глядя на Никоса, Тристанна почему-то вспоминала о драконах, как будто он был таким же волшебным и опасным существом или героем эпоса. Ей вдруг очень захотелось набросать резкие линии его лица. Ее брат, лишенный чувства прекрасного, отнесся бы к этому порыву с презрением, и именно поэтому Никос Катракис был единственным человеком, который подходил ей. Она тратила время, глядя на него и пытаясь собраться с духом, хотя знала, что Питер скоро начнет ее искать. Она знала и то, что он не доверял ей, хотя она согласилась стать частью его игры, вот только играть она собиралась по своим правилам. Для этого ей нужен был человек, которого Питер ненавидел больше всех на свете и считал своим главным деловым врагом.

Волнение стало таким сильным, что ее колени словно превратились в желе. Она очень надеялась, что он не заметит этого и увидит только «ледяную» Барбери – единственное, что, по словам Питера, видели люди, глядя на нее.

«Пора нам извлечь преимущество из имеющихся у тебя средств», – сказал Питер своим холодным голосом. Тристанна отогнала это воспоминание: ставки были слишком высоки, чтобы растравлять себя еще сильнее, на кону стояла жизнь ее матери и ее собственная независимость, которой она так долго добивалась. Тристанна глубоко вдохнула, произнесла короткую молитву и направилась к Никосу Катракису, пока не успела передумать.

Никос поднял глаза от своего напитка, и их взгляды встретились. Его глаза были цвета крепкого чая, светлее, чем волосы и брови, контраст с которыми заставлял их мерцать, как старое золото. У Тристанны сбилось дыхание, смех и звон бокалов вдруг перестали достигать ее ушей, она забыла, зачем пришла сюда, как будто весь мир утонул в этом расплавленном золоте.

– Мисс Барбери, – приветливо сказал он с едва заметным акцентом, из-за которого слова звучали грубовато и ласково одновременно.

В голосе была командная интонация, хотя он не переменял позы, небрежно опираясь о стол и крутя стакан с янтарным ликером. Он смотрел на нее пронзительными глазами, которые казались старше его, и волоски на загривке Тристанны встали дыбом. Он был совсем не тем, кем казался.

Он совершенно не был расслаблен, а только притворялся. Ее изумление, однако, быстро прошло: ее брат не был бы так одержим этим человеком, если бы он не был достойным противником.

– Вы знаете мое имя? – спросила она.

Ей удалось сохранить лицо. Это была семейная черта Барбери: даже если внутри бушевала настоящая буря, внешне это никак не проявлялось. Она научилась этому в раннем детстве, и сейчас это пригодится ей как никогда: она собиралась использовать его, а не подпадать под его легендарное обаяние, и должна быть сильной.

– Конечно. – Темная бровь приподнялась, чувственные губы чуть изогнулись. – Я знаю всех моих гостей по именам. Я грек, гостеприимство для меня не просто слово.

Где-то глубоко под вежливостью прятался упрек. Он смотрел на Тристанну так, словно он был кот, а она – обреченная мышь.

– Я хочу попросить вас об одолжении, – выпалила она.

План, появившийся, как только она узнала, куда Питер ведет ее сегодня, и скрупулезно продуманный, летел в тартарары. Что-то в том, как спокойно и прямо Никос обращался с ней, заставило ее почувствовать себя так, словно вино, которое она едва пригубила, ударило ей в голову.

– Простите, – пробормотала она, краснея, – она, до этого момента считавшая, что не умеет краснеть! – Мне не следовало так наскокивать на вас. Вы, наверно, думаете, что я самое бестактное существо в мире.

Он поднял брови, но в глазах не появилось ни удивления, ни тепла.

– Вы еще ни о чем не попросили. Я отложу приговор до того, как услышу просьбу.

Тристанна вдруг подумала, что подвергает себя большому риску, стоя у всех на виду перед Никосом Катракисом, чем участвуя в интригах Питера. Впрочем, она тут же одернула себя, но полностью отделаться от ощущения опасности не смогла, как и предотвратить то, что должно было произойти. Женская интуиция предупреждала, что это будет огромной ошибкой и она пожалеет, что встревожила осиное гнездо, что взялась за этого мужчину, совладать с которым у нее явно не хватит сил, хоть она и считала себя сильной и независимой. Она закусила губу и нахмурилась, борясь с чувством, что сеть из темного золота опутывает ее все крепче. Не следует забредать в логово дракона; он словно был ловушкой, и она вошла прямо в нее. Странно, но это не пугало ее. Так или иначе, у нее не было выбора.

– Так что за одолжение? – подбодрил он ее, улыбаясь немного язвительно, как будто знал, о чем она хотела попросить.

Это, конечно, было не так. Среди всего прочего Тристанна знала, что Никос был в равной мере безжалостен и притягателен, что он выбился из низов в верхние слои общества благодаря колоссальной силе воли, не терпел дураков и предателей и каждым своим достижением выводил ее бесстрастного брата из себя, однако она никогда не слышала, что он телепат.

– Да, – уверенно, ровным голосом сказала она, ничем не выдавая внутреннее смятение, – одолжение. На самом деле совсем небольшое и, надеюсь, не самое неприятное.

И тут она едва не сдалась, едва не послушалась предупреждений, которые посылала ей интуиция, едва не убедила себя, что не обязательно обращаться к этому человеку, что подойдет кто-нибудь другой, не такой пугающий. Но потом она отвела взгляд и увидела, что брат прокладывает к ней путь сквозь толпу. Единокровный брат, напомнила она себе. Питер знакомо поморщился, заметив ее и того, рядом с кем она стояла. За Питером шел финансист с

потными ладонями, которого брат выбрал для нее, сказав, что он поднимет бизнес Питера из руин, получив Тристанну.

– Ты должна помочь семье. – Он просто поставил ее перед фактом полтора месяца назад, словно речь шла не о ней.

– Я не понимаю, – сухо сказала она. Она не успела даже снять черное платье, в котором была на похоронах их отца в тот же день. Она не скорбела по Густаву Барбери, хотя, наверно, всегда будет скорбеть по отцу, которым он никогда не был для нее. – Все, чего я хочу, – чтобы ты открыл мне доступ к нашему наследству, над которым теперь попечительствуешь.

Это чертовое попечительство. Ее отец думал, что оно даст ему право контролировать ее, а теперь его обязанности легли на плечи Питера, и ей придется взаимодействовать с ним, чтобы иметь возможность распоряжаться имуществом. Ей не нужно было ни проклятое состояние Барбери, ни их обязанности и ожидания. Она сама зарабатывала себе на жизнь, гордилась этим, но теперь это стало роскошью, которую она не могла себе позволить. С тех пор как Густав заболел, здоровье ее матери начало быстро ухудшаться. Долги росли стремительно, не в последнюю очередь из-за того, что восемь месяцев назад Питер начал распоряжаться финансами семьи и перестал оплачивать счета Вивьен. Содержать ее приходилось Тристанне, но денег, которые она получала, работая художником в Ванкувере, совершенно не хватало. Ей пришлось обратиться к Питеру в надежде получить свою долю наследства.

– Тебе и не нужно понимать, – прошипел Питер; в его глазах блестело злобное ликование. – Просто делай, как я скажу. Найди подходящего богатея и возьми у него, что тебе надо.

– Не вижу, как это поможет тебе, – вежливо сказала Тристанна, как будто не чувствовала ледяного ужаса.

– Не думай ни о чем, кроме собственного вклада, – огрызнулся Питер. – Связь с нужным человеком придаст мне веса в глазах моих инвесторов. Если эта сделка сорвется, я потеряю все, и первой потерей будет твоя бесполезная мать.

Тристанна поняла все слишком хорошо. Питер никогда не скрывал своего презрения к ее матери. Заболев, Густав передал бразды правления Питеру, отказав Тристанне за ее своенравие. Он, без сомнения, думал, что его сын позаботится о его второй жене, и не оставил отдельных указаний в завещании. Однако Тристанна прекрасно знала, что Питер долгие годы ждал возможности отплатить Вивьен за то, что она заняла место его матери. Он был способен на все.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? – спросила Тристанна.

– Спи с ними, жени их на себе, что угодно, – отрезал Питер. – Убедись, что ваши отношения известны всем таблоидам Европы. Мне нужно, чтобы ты любыми способами заставила мир поверить, что у семьи Барбери есть доступ к большим деньгам.

Тристанна отвела взгляд от финансиста и снова посмотрела на Питера, чей взгляд горел отвращением, и ее нерешительность исчезла. Лучше сгореть в огне Никоса и взбесить брата, в качестве «своего вклада» используя его заклятого врага, чем покориться куда более печальной судьбе.

Полуулыбки больше не было на губах Никоса, когда она повернулась к нему. Внешне он был по-прежнему расслаблен, но она почувствовала, что все его мускулистое тело напряглось. От поразительной силы, таящейся под легкой одеждой, у Тристанны пересохло горло, но отступать было поздно.

– Я бы хотела, чтобы вы поцеловали меня, – отдельно произнесла она. Шаг в бездну сделан. – Прямо сейчас. Если вас не затруднит.

Никос ожидал чего угодно от этой вечеринки, только не каких-либо просьб от наследницы Барбери. Ликование охватило его с такой силой, что она должна была почувствовать это, но она только смотрела на него глазами цвета лучшего швейцарского шоколада. На него нахлынуло темное удовлетворение, он поймал себя на том, что улыбается не слишком веж-

ливо, но она не опустила глаза. Смелая. Куда смелее, чем ее трусливые бесчестные родные. Вот только ей это не поможет.

– Зачем мне целовать вас? – мягко спросил он, наслаждаясь тем, как краска заликает ее щеки, позолоченные послеполюденным солнцем, и небрежно обвел стаканом толпу вокруг них. – На этой яхте множество женщин, готовых драться за мой поцелуй. Почему это должны быть вы?

В ее глазах мелькнуло удивление, быстро сменившееся чем-то другим. Она сглотнула и медленно улыбнулась острой как бритва улыбкой, работавшей на публику. Никос знал цену этому оружию.

– У меня есть причины прямо просить вас об этом, – ответила она с неопределенным, но приятным акцентом, в котором смешались европейский и североамериканский говоры, и вздернула подбородок, – а не ждать, чтобы мое декольте попросило за меня.

Это против воли понравилось Никосу, несмотря на потребность уничтожить ее, потому что она была Барбери, а значит, испорченная, потому что давным-давно он поклялся, что не успокоится, пока не сотрет с лица земли эту семью, потому что ее брат-червяк даже сейчас наблюдал за ними. Он придвинулся к ней ближе, чем требовали приличия. Она не дрогнула. Это тоже очень понравилось ему, хоть и не должно было.

– Некоторые женщины не видят ничего предосудительного в том, чтобы выставлять то, что имеют, на всеобщее обозрение, но я понимаю вашу позицию.

Он оглядел ее, от русых волос и умных карих глаз до точеной фигуры. На ней было простое платье, подчеркивающее изящные изгибы тела. Она не была красавицей, но все равно была неотразима: сильный подбородок, ум, который она не скрывала, явное отсутствие интереса к ботоксу, коллагену и силикону, напряженные плечи. Он снова посмотрел ей в лицо и был рад тому, что она едва успела спрятать минутную гримасу за стандартным официальным выражением.

– Что вы можете привнести в поцелуй, чего не могут другие? – спросил он, делая вид, что не впечатлен.

Она только вызывающе изогнула тонкую бровь.

– Себя, – ответила она, а выражение ее лица добавило: «Разумеется».

Совершенно неожиданно Никоса опалила страсть. Он не должен был чувствовать ничего подобного, он должен был презирать ее, но Тристанна Барбери оказалась совсем не такой, какой он представлял ее. Она училась в лучших школах Европы и должна быть совершенной. Однако, разглядывая ее фотографии, он видел простую естественную девушку, хотя и подозревал, что такое ощущение возникает благодаря мастерству фотографов. Теперь же он понимал, что она действительно была такой, настолько живой, что жизнь, казалось, плясала вокруг нее, как пламя, к которому ему хотелось прикоснуться.

– Еще одно хорошее заявление, – сказал он и коснулся ее волос, шелковистых и теплых. – Но я не привык целовать незнакомых женщин на виду у всех, – добавил он тише, чтобы его услышала только она. – Не люблю оказываться на страницах таблоидов.

– Прошу прощения, – пробормотала Тристанна, смело глядя на него. – Я думала, вы известны своим бесстрашием и умением смеяться над условностями. Должно быть, я перепутала вас с другим Никосом Катракисом.

– Я раздавлен, – сказал он, подходя ближе; сердце заколотилось, когда она не отступила. – Я полагал, что моя привлекательность заставила попросить меня поцеловать вас, а оказалось, что вы такая же, как остальные. Вы поклонница богачей, мисс Барбери? Путешествуете по миру и коллекционируете поцелуи, как девочки собирают автографы?

– Вовсе нет, мистер Катракис, – без тени смущения ответила она, откидывая голову. – Скорее богачи – мои поклонники: преследуют меня повсюду, чего-то требуют от меня. Я хотела сэкономить ваше время.

– Вы слишком добры, мисс Барбери. – На этот раз он провел пальцем по нежной коже ее ключицы, почувствовал легкую дрожь и почти улыбнулся. – Но я не делюсь своей собственностью.

– Это говорит человек, на чьей яхте больше гостей, чем он может сосчитать.

– Я не целовал ни яхту, ни гостей. Не всех, во всяком случае.

– Тогда вы должны объяснить мне правила, – ее губы дрогнули от сдерживаемого смеха; почему-то это завораживало его, – которых на удивление много для Никоса Катракиса, не следующего традициям, не соблюдающего правил, идущего своим собственным путем. Я бы хотела встретить *его*.

– Есть только один Никос Катракис, мисс Барбери. – Теперь он стоял так близко, что чувствовал запах ее духов. – Надеюсь, вы не будете слишком разочарованы, узнав, что это я.

– Я узнаю это только после того, как вы поцелуете меня.

– Значит, теперь это неизбежно?

– Разве нет? – Она наклонила голову; теперь это был настоящий вызов, а Никос не стал бы тем, кем стал, если бы не умел их принимать.

Все шло не так, как он планировал. Спонтанность – для тех, кому нечего терять и нечего доказывать. Он много задолжал Густаву Барбери и его гнусному сыну, долго ждал возможности отплатить и добился своего. Надавить здесь, нашептать там, и империя Барбери зашаталась, особенно после того, как заболел ее глава. Но Никос не хотел впутывать девушку. Он не желал уподобляться Питеру Барбери, соблазнившему Алтею и бросившему ее, когда она забеременела. С другой стороны, он не ожидал, что сестра его врага обратится к нему с такой просьбой и – что особенно опасно – заставит его захотеть потерять контроль над собой, над которым он так долго работал. Он с удовольствием использует ее как еще одно орудие, которое приведет ее семью к гибели, но он не ожидал, что захочет ее!

– Возможно, вы правы, – тихо сказал он.

Уверенность на ее лице поблекла всего на секунду, но он заметил это и возликовал: она оказалась не такой уж непоколебимой. Никос положил руку ей на затылок и вздрогнул, как от электрического удара; ее глаза распахнулись, и она прижала ладони к его груди. Он помедлил, удостоверившись, что на них смотрят. Что бы она ни затеяла, она не знает, с кем связалась и какой механизм запустила, подойдя к нему. Он уже давно выиграл эту войну, и Тристанна была последней каплей, которая уничтожит Барбери без остатка, раз и навсегда, почти как они однажды уничтожили его.

Он выиграл, но почему-то мог думать только о пленительном изгибе ее губ. Он привлек ее к себе и прижался к ним губами.

Глава 2

Тристанна вскрикнула бы «Огонь!», если бы смогла, но вместо этого ответила на поцелуй, если ли можно было так назвать влажное столкновение ртов. Ее охватила тревога, желудок сжался, и вся она вспыхнула. Она и представить не могла, каково это – целовать такого мужчину: он весь был первобытная мощь, он брал, требовал, овладевал.

Никос наклонил голову, пробуя ее губы на вкус, касаясь языком ее языка, заставляя ее содрогаться от желания. Тепло его руки, по-хозяйски лежавшей на ее талии, проникало под ткань платья. Она чувствовала вкус дорогого ликера и соли на его губах. Тристанна вцепилась в его рубашку, но не смогла оттолкнуть его.

Прошло несколько миллионов лет, прежде чем он наконец поднял голову; его темные глаза пылали страстью, от которой у нее ослабели колени. Она с трудом подавила желание прижать руку к губам: было такое ощущение, что они ей больше не принадлежали, словно он поставил на ней свое клеймо, и где-то глубоко внутри она почувствовала странное счастье. Дурочка! Она знала с самого начала, что нельзя играть с этим мужчиной, поняла, что ей не справиться с ним, как только их взгляды встретились и первая волна дрожи прошла по ее телу. Она даже не была уверена, что ей хотелось этого. Нельзя было забывать, зачем она ввязалась в это!

– Надеюсь, вы удовлетворены? – От странного блеска его глаз по ее телу побежали мурашки.

Он отпустил ее, медленно убрав руку с ее затылка и скользнув пальцами по щеке. Она постаралась не выдать себя, почему-то зная, что он использует ее слабости против нее.

– Пожалуй, – глухо выговорила она.

Ей хотелось прижаться грудью к его груди. Ее тело словно восстало против нее, и она велела себе успокоиться. Именно поэтому она и выбрала его.

– Вы не уверены? – Его полные губы чуть изогнулись в усмешке. – Значит, я сделал что-то не так.

У нее кружилась голова, дыхание рвалось из груди, и Тристанна вдруг осознала, что все еще держится за него, чувствуя его тепло. Давно пора было отступить, но она не могла оторвать от него руки, словно он единственный не давал ей упасть. Она подумала о Вивьен, ее худобе, кашле и бессоннице. Надо думать только о ней, или ничего не получится.

Тристанна опустила руки. Он улыбнулся шире, в его глазах появился интерес, и каким-то образом это ободрило ее, помогло поднять голову и вспомнить, зачем она здесь и для кого.

– Вы все сделали абсолютно правильно, – сказала она, стараясь сделать вид, что ей почти скучно, хотя сердце бешено колотилось.

Он не ответил, глядя на нее внимательно и сосредоточенно, словно дракон за секунду до того, как выдохнуть струю огня.

– Вот как? – холодно спросил он.

– Именно. – Тристанна пожала плечами, притворяясь, что не чувствует, как кровь приливает к щекам.

Нельзя показывать, что один-единственный поцелуй, неожиданный, шокирующий, перевернул все в ней вверх дном.

Ее брат подошел достаточно близко, чтобы слышать их с Никосом разговор, и теперь она могла чувствовать что-то кроме волнения, вызванного поцелуем, – ярость Питера. Она не удостоила его взглядом, и без того прекрасно зная, с какой ненавистью он смотрит на нее.

– Возможно, нам следует попрактиковаться, – предложил Никос бархатным голосом, от которого сладко зануло между ног. – Я буду счастлив расширить исполнение вашей просьбы, не хочу разочаровывать вас.

– Вы очень великодушны, – пробормотала она, опуская глаза, чтобы он не заметил, как сильно выбил ее из колеи.

– Какой угодно, мисс Барбери, – голос Никоса был мягок, но взгляд тверд, – только не великодушный. Во мне нет ни капли щедрости, я хотел бы, чтобы вы запомнили это.

Она знала, что должна сделать. Еще до того, как Питер выложил ей свои отвратительные условия, она решила, что сделает все, чтобы спасти мать. Какое ей дело, если империя Барбери рассыпется в прах? Она давным-давно отреклась от всего этого, кроме ее несчастной матери, особенно теперь, когда Густав, которого она так слепо любила, оставил ее, беспомощную, на милость Питера. Она держалась подальше от их дел, пока был жив отец, но после его смерти не могла оставить мать. Она была единственной надеждой Вивьен.

– Какая жалость, – спокойно ответила Тристанна, совсем не чувствуя себя спокойной.

Она решительно подавила душный страх. Ее брат не блефовал, он выполнит каждое свое обещание и не оставит ее в покое, пока не добьется от нее вклада в семейное состояние, и выбросит ее мать на улицу, не задумываясь, если Тристанна восстанет против него. Однако она не знала, что случится, если она пойдет у него на поводу.

– Совсем нет, – сказал Никос, взглядываясь в нее. – Всего лишь правда.

Она постаралась внушить себе, что женщины делают это с незапамятных времен с куда менее впечатляющими мужчинами.

– Жаль, – ее голос звучал хрипло, – потому что я слышала, что у вас сейчас нет любовницы. Я надеялась стать ею.

Его темные глаза вспыхнули. Она не опустила взгляд, как будто действительно была достаточно смелой, чтобы произнести эти слова. Она должна быть такой.

– Но конечно, – продолжила она, и это была кульминация: Питер слушал ее, и она должна была сказать это, – я хочу, чтобы вы были щедры ко мне, очень щедры.

Несколько долгих секунд Никос пронизывающе смотрел на нее, превращая в пепел, и не двигаясь, спокойный, словно она не предлагала ему себя так же легко, как могла бы предложить выпить. Но когда волоски на ее теле встали дыбом и кожу начало покалывать, Никос улыбнулся.

* * *

Никос не мог удержаться, чтобы не посмаковать этот долгожданный момент. Он не мог даже мечтать о том, что сестра его заклятого врага предложит ему себя в качестве любовницы, подтверждая, что месть свершилась и он победил.

Ему не надо было смотреть на Питера Барбери, чтобы почувствовать его гнев, волнами расходящийся во все стороны. Это было еще слаще, чем он мечтал все эти годы, все ту же затягивая петлю на шее Барбери. Он жалел только о том, что встречает этот момент в одиночестве. Он хотел бы, чтобы его суровый отец, сестра и ее нерожденный ребенок увидели, что он выполнил обещание, данное им, и одержал верх над Барбери, заставил их заплатить за все. Они умерли, ненавидя Никоса, обвиняя его: сначала покончила с собой Алтея, потом умер отец, от которого он всю жизнь тщетно пытался добиться одобрения. Их смерть только распалила его ненависть, которую он продолжал подпитывать всем, чем удавалось. Ни детство в афинских трущобах, ни уход матери не сломили его. Когда он выбился в люди, никто не помешал ему найти отца, бросившего его мать и его самого. Всю жизнь он старался доказать отцу, что он что-то из себя представляет, пытался сблизиться с Алтеей – законным, любимым ребенком. Он никогда не чувствовал к ней неприязни за то, что родители любили ее сильнее, чем его, в чем она обвинила его, когда Питер Барбери бросил ее.

Никос посмотрел на Тристанну, все еще слыша ее слова. Он не знал, что на этот раз затеяла Барбери, но его это не волновало. Может быть, Тристанна Барбери примерила на себя роль

Маты Хари и думала, что может контролировать его с помощью секса? Что ж, пусть попробует. Только один человек может распоряжаться в постели Никоса, и это точно не она и никогда им не будет. Его влекло к ней, но он возьмет ее в первую очередь ради мести.

– Пошли, – сказал он, сжал ее обнаженную руку и кивнул в сторону своей каюты.

Желание посмотреть на агонию Питера было почти нестерпимым, но Никосу удалось подавить его и сконцентрироваться на другом члене ненавистной семьи, чей вкус он снова собирался ощутить на своих губах.

Она посмотрела на него, и он не смог разобрать, что скрывалось за ее темными глазами.

– Передумали? – Он не смог удержаться и не уколоть ее.

– Это вы так и не ответили, а не я, – сказала она, вздергивая подбородок и расправляя плечи, словно готовясь противостоять ему. Его охватило желание сорвать с нее одежду и подмять под себя, разумеется, только из мести.

– В таком случае нам есть о чем поговорить.

Она сглотнула, и он подумал, что она, возможно, не такая спокойная и смелая, какой притворяется.

– Ведете меня в свое логово?

– Можете и так это называть, если хотите, – ответил он, удивленный и очень возбужденный.

Она больше ничего не сказала, и он повел ее по палубе, стараясь сделать так, чтобы все, и в первую очередь ее брат, заметили, кого он тащит в свое логово.

Глава 3

Тристанна уже видела его. Она помнила это ясно, хотя с тех пор прошло около десяти лет. Она шла за ним по палубе, расправив плечи и подняв голову, словно на собственную коронацию, а не в постель мужчины, которому только что продалась. Однако думала она о том времени, когда ей было семнадцать и она разглядывала гостей, собравшихся в бальном зале дома ее отца в Зальцбурге. Это был ее первый выход в свет, и она мечтала о том, как будет вальсировать в своем дивном платье. Угрюмый Никос Катракис, решительно пересекавший зал, не вписывался в эту радостную картину. Тогда Тристанна не поняла, почему от него невозможно было оторвать взгляда, почему ее сердце испуганно затрепетало, и все равно она смотрела как зачарованная на незнакомца, ведущего себя так, словно это был его дом.

– Кто это? – спросила она у матери, чувствуя, как что-то новое, незнакомое и пугающее расцветает внутри, отчего хотелось не то приблизиться к этому неотразимому мужчине, не то убежать от него подальше.

– Это Никос Катракис, – мягко ответила Вивьен. – У него дело к твоему отцу.

Прошло десять лет, и теперь Тристанна снова не могла определить, чего ей хочется – остаться или убежать. Глядя на него в первый раз, она не могла даже отдаленно представить, на что похож его поцелуй. Он вел ее сквозь толпу в глубь своей шикарной яхты. Тристанна едва заметила роскошное убранство ее внутренней части: она видела только Никоса, замечая каждое его движение, дрожа словно в лихорадке. Она велела себе успокоиться: нельзя было позволять себе таять от одного взгляда на него.

Никос втолкнул ее в каюту и захлопнул дверь. Тристанна осмотрелась, но в сознании отложилось только то, что это было шикарное просторное помещение с большой кроватью и что Тристанна здесь по собственному желанию, наедине с самым опасным человеком из всех, кого она встречала.

– Мистер Катракис... – начала она, поворачиваясь к нему.

Она еще могла собраться с силами и установить контроль над ним, ведь все дело было именно в этом.

– Слишком поздно, не думаешь? – перебил он, подойдя так близко, что она могла коснуться его оливковой кожи.

Тристанна невольно отступила и застыла, уверенная, что это инстинктивное движение показало ему, что никакая она не уверенная светская львица, а всего лишь художница из Канады, втянутая в игру, которую не могла контролировать. Но он только улыбнулся. Тристанне казалось, что она стоит на самом краю обрыва, а он – сильный ветер, грозящий вот-вот столкнуть ее вниз.

Никос, казалось, заполнил собой всю каюту. Его плечи и грудь стали шире, он словно вырос – или это Тристанна уменьшилась? Остатки смелости покинули ее, сдавшись под напором его харизмы. Она с трудом вспомнила о Вивьен и ухватила за эту мысль, как за соломинку.

Он продолжал смотреть на нее жгучими темными глазами, как будто поджидая удачного момента для прыжка.

– Зови меня Никос, – предложил он наконец, когда Тристанна была уже на грани срыва.

Она должна была что-нибудь сказать, хотя бы просто повторить его имя, но не могла. Как будто его имя, произнесенное вслух, отрезало бы путь назад, как будто оно было границей между старой и новой жизнью, которую она не могла пересечь.

Он иронично улыбнулся, прислонившись к двери. Скоро тишина стала невыносимой, и Тристанна уже была готова закричать, заплакать, убежать, когда он поднял руку и поманил ее к себе, как собаку, уверенный, что не встретит отказа, в эту минуту неотличимый от ее отца и

брата. Она с трудом подавила внезапно вспыхнувший гнев. Намного ли любовница отличается от собаки? На самом деле она вовсе не хотела становиться его любовницей: она хотела только убедить в этом Питера, ей нужна была видимость интереса со стороны Никоса. Это всего на несколько дней, что может случиться с ней за это время? Они пару раз поужинают, поцелуются на виду у вездесущих папарацци, и дело будет сделано. Все это ради ее любимой беспомощной матери, не понимавшей, что ее пасынок – чудовище, что он не собирается заботиться о ней, как того хотел Густав. Доступ к наследству она получит, только когда ей исполнится тридцать, не раньше, если Питер не даст на это согласие, а деньги на лечение матери нужны были ей прямо сейчас. Ей просто не оставили выбора, поэтому она не рассмеялась, не отвесила Никосу пощечину, не вылетела из каюты, хотя ей очень хотелось. Она чувствовала, что Никос хочет удостовериться в том, что его любовница знает свое место и не претендует ни на какие другие звания. Покачивая бедрами, она двинулась к нему.

– Тебе надо было просто свистнуть, – не удержалась она. – Так было бы удобнее.

– Мне и так вполне удобно.

Он выпрямился с грацией, которая напугала бы ее, если бы он дал ей время испугаться, и легко притянул к себе, схватив за запястье. Его губы накрыли ее рот, и он развернул ее и прижал спиной к двери, углубляя поцелуй. И хотя она знала, что не должна была делать этого, ответила ему, безмолвно умоляя, как будто имела на это право, не отпускать ее, никогда, и не останавливаться.

* * *

Никос чувствовал, как в груди разгорается огонь от того, как идеально совпадали изгибы их губ, как она постанывала, словно не в силах противостоять ему. Он не смог бы остановиться, даже если бы захотел. Одной рукой он схватил ее за волосы, заставляя откинуть голову, другой провел по шее к совершенной груди. Он скользнул пальцами по коже над кромкой платья, сжал ее груди сквозь тонкую ткань, изучая их форму, потирая большими пальцами твердые соски, пока она не застонала.

Ему было мало этого. Он потянул подол ее платья вверх, чувствуя шелковистую кожу бедер и влажный жар между ними. Он закинул одну ее длинную ногу себе на бедро, чтобы она почувствовала его возбуждение сквозь брюки и тонкий шелк ее трусиков. Она застонала и отчаянно качнула бедрами. Ее голова запрокинулась, глаза были закрыты, словно ее сжигал такой же огонь, какой бушевал в нем. Он снова впился поцелуем в ее губы, двигая бедрами, сводя их обеих с ума. Его язык танцевал по ее шее, ладонь скользнула ей между ног, и она вскрикнула. Было ли это его имя? Не все ли равно.

Она была Барбери, враг, и он брал ее только из мести. Он не знал, чего ей надо от него, но точно знал, что сделает ее своей.

Никос отодвинул ее трусики в сторону и скользнул пальцами во влажный жар. Она всхлипнула, и он закружил пальцами вокруг входа, дразня ее, пока она не начала двигаться в такт его движениям. Он с трудом подавил желание швырнуть ее на пол и войти в нее так глубоко, чтобы забыть собственное имя.

– Посмотри на меня, – приказал он.

Ее глаза распахнулись, огромные, карие, полные дикой страсти. Все ее тело напряглось, она закусила губу, чтобы не закричать. Ее щеки пылали, и он ощутил колоссальное удовлетворение и желание.

– Кончи для меня, – хрипло прошептал он, покрывая поцелуями ее лицо, – немедленно.

«Это ошибка!» – в отчаянии подумала Тристанна, но было поздно. Ее тело, доведенное до предела его ловкими пальцами, словно взорвалось по его команде. Чтобы прийти в себя, ей понадобилось несколько долгих мгновений. Он смотрел на нее темными глазами хищника, и

она не знала, что ей делать, что она *могла* сделать теперь, когда его рука все еще прижималась к ее промежности, а его губы влажно блестели от поцелуев.

Он поднял бровь, и она содрогнулась. Ему было мало, конечно, ему было мало. Как она допустила это? Почему не попыталась предотвратить это, даже наоборот – поощрила его? Она не понимала, как ему удалось настолько завладеть ситуацией, и не была уверена, что когда-нибудь сможет понять. И в то же время часть ее отчаянно желала отбросить все предосторожности и без остатка отдаться ему.

– Что мы... – Она не смогла сдержать дрожь: слишком противоречивые чувства переполняли его, а чуть насмешливый взгляд все равно пронизывал ее насквозь. – Я не собиралась...

Ее руки упирались в его грудь, и она сжала кулаки, словно... Что? Словно хотела оттолкнуть его? После того, как с таким жаром отдала ему в руки свое тело? Что с ней такое? Ее тело было как чужое, полное ощущений, которых она не понимала; она едва не плакала, а он по-прежнему стоял слишком близко, чуть усмехаясь.

Никос наконец отпустил ее ногу. Вспыхнув, она заметила, что ее платье все еще задрано на талию, и поспешно одернула его.

– Возможно, я не так тебя понял. – Его голос был бархатным, но в глазах была сталь. Не отступая ни на шаг, он заправил прядь ее волос за ухо, и она задохнулась. – Мне показалось, ты хотела стать моей любовницей. Ты ведь сама так сказала. Разве ты не знаешь, что подразумевает положение любовницы?

– Знаю, – огрызнулась она.

– А мне кажется, не знаешь. – Он приподнял уголок губ. – Или твой опыт в подобных вещах отличается от моего. Я предпочитаю, чтобы мои партнеры...

– Я немного обескуражена скоростью, с которой вы согласились вступить в отношения со мной, – резко перебила она. – Не знаю, как это делается там, откуда вы родом, мистер Катракис...

– Никос, – мягко сказал он. – Я знаю, каковы твои губы на вкус. «Мистер Катракис» звучит нелепо в подобных обстоятельствах.

– ...но мне бы хотелось чуть больше... – Она замолчала.

А чего еще она ожидала? Это было... деловое предложение. Весь ее опыт был почерпнут из романов – не слишком хорошее подспорье в сложившихся условиях.

– Цветов и конфет? – договорил он. – Лицемерия и фальши? Я думаю, ты не совсем понимаешь, что здесь происходит. Я устанавливаю правила, не ты. – Он чуть наклонил голову, не отпуская ее взгляда. – Скажи мне, Тристанна, любовницей скольких мужчин ты была за свою головокружительную карьеру?

– Что? – Ее охватил ужас, хотя от звука ее имени в его устах по телу прошла дрожь. – Ни одного!

Не надо было этого говорить.

– Что ж, понятно. – В его глазах блеснуло удовлетворение. – Почему же мне так повезло? Что толкнуло наследницу состояния Барбери в мою постель? Я не понимаю.

Тристанна вдруг стало холодно, может быть, от его тона, может быть, от того, как он смотрел на нее. «Помни, почему ты делаешь это, – сказала она себе, – помни, как высоки ставки».

– Тяжелые времена, – ответила она, небрежно пожав плечами.

Она отошла от него, заметив, что он не стал удерживать ее. Она не сказала, что ее брат вот-вот потеряет все, что он ненавидит Никоса и считает его своим главным врагом. Почему-то ей казалось, что так будет лучше.

– А ты, как тебе самому прекрасно известно, один из самых желанных мужчин, – выговорила она чуть погодя, и по сути это была правда.

– Не думаю, что ты имеешь хоть какое-то представление, что значит быть чьей-то любовницей, – сказал он у нее за спиной; его голос был мягок, но под этой мягкостью таилось что-то еще.

Тристанна не смогла посмотреть на него. Она не понимала, что это за вихрь эмоций, почему ее глаза вот-вот наполнятся слезами, но она скорее упадет замертво, чем покажет их. Все, что она знала точно, – она не могла поднять на него взгляд.

– Я схватываю на лету, – пробормотала девушка, просто чтобы что-то сказать.

Он издал какой-то звук, похожий на смешок.

– Тристанна, повернись ко мне.

Ей очень не хотелось делать это. Кто знает, что он прочтет по ее лицу? Но речь сейчас шла не о ней, а о том, чтобы защитить ее мать. Если бы она не сбежала в Ванкувер, когда отец отказался платить за ее обучение, если бы не оставила мать на милость Питера и Густава... Однако она всегда была сильнее матери, и ей представился шанс доказать это.

Она обернулась. Он выглядел так же опасно, как десять лет назад, и смотрел на нее так, словно знал о ней что-то, чего она сама не знала. Она подняла подбородок. Она справится.

– Утром яхта отплывает к острову Кефалония, моему дому. – В его бархатном голосе звучала грубоватая ласка, а глаза задорно блеснули. – Если ты хочешь быть моей любовницей, ты будешь на борту.

Глава 4

Никос сидел за маленьким столиком на одной из палуб. На нем лежали газеты на трех языках и стояла чашка крепкого кофе. Золотой солнечный свет омывал его точеное лицо. На нем бы ли бежевые брюки и светлая рубашка, рельефно облегающая мускулы; он был бос.

Когда Тристанна подошла к нему, он не поднял глаз, однако ей хватило ума не думать, что он не заметил ее. Он следил за ней с той самой минуты, как она вышла на палубу, если не дольше. Она попыталась выровнять дыхание, стоя прямо, высоко поднимая голову. Она ненавидела себя – и его; но он не согнет ее. Она сыграет свою роль сильной, опытной женщины, озабоченной только тем, что он может дать ей. Ей было все равно, что о ней думал Никос Катракис и что сама думала о себе.

«Продаешь себя тому, кто предложил самую высокую цену? Дстойная дочь своей матери», – фыркнул Питер, но не стоило думать о нем. Нельзя было показывать, что она нервничает, иначе ее раздавит груз того, что ей предстоит. Она с трудом подавила желание провести руками по прическе и одежде.

Он продолжал игнорировать ее. Она знала, что таким образом он показывает ей, кто здесь хозяин, и поднимет голову только тогда, когда сочтет нужным. Ей надо было научиться принимать такое обращение, как будто она только и делала, что стояла на палубах роскошных яхт, ожидая, пока великолепный мужчина снизойдет до нее.

Воспоминания о вчерашних событиях нахлынули на нее обжигающей волной. Неужели это развратное существо, так легко позволившее страсти целиком завладеть собой, – она? Она, которая когда-то едва позволяла себе мечтать о танце с этим мужчиной? Стыд стал почти невыносим, и она стиснула зубы. Не важно, что она чувствует, что случилось и что случится. Процесс пошел, и его не остановить.

– Долго ты будешь там стоять? – спросил Никос, не отрываясь от газеты. – Почему ты расхаживаешь туда-сюда с таким лицом, словно присутствуешь при собственной казни? Ты ведь не думаешь, что так ведут себя любовницы, а, Тристанна?

Какой же он отвратительный!

– Я считаю твои деньги, – холодно ответила она. – Думаю, это любимое занятие любовниц.

Его губы дрогнули, словно он не мог решить, рассмеяться или разорвать ее в клочья. Время как будто замедлилось, повинувшись его желанию. Слишком много факторов соединилось, чтобы она могла противиться ему: золотые солнечные лучи, волны, бьющиеся о борт яхты, уносящие их все дальше от берега Франции, от безопасности и уверенности.

– Ты неправильно понимаешь цель содержания любовницы, – мягко сказал он, разрушая одно заклятье и тут же накладывая другое своим бархатным голосом.

– Очевидно, – просто ответила она, заставляя себя улыбнуться. – Просвети меня.

Он кивнул на стул рядом с собой, и даже это незначительное движение выражало его любовь командовать. Борясь с желанием плюнуть ему в лицо, она медленно подошла и села, как хорошая, воспитанная девочка. Как любовница.

Он снова был слишком близко, заслоняя собой все. Ей даже показалось, что она чувствует жар его тела, хотя было очевидно, что это солнечное тепло. Она не могла оторвать взгляда от его красивых рук, лежащих на столике.

С улыбкой он смотрел, как она садится, выпрямившись, складывает руки на коленях и кладет ногу на ногу, как будто под благообразной внешностью не скрывалось дикое биение страсти.

– Воображение, – тихо сказал Никос.

Тристанна напряглась. Горячая волна снова закружила ее.

– Что, прости? – По крайней мере, она не заикалась и дышала ровно, хотя глаза пощипывало.

– У любовницы должно быть богатое воображение, – терпеливо объяснил Никос. – Любовница всегда должна быть готова развлечь. Она должна носить одежду, которая соблазняет. Она никогда не жалуется, никогда не спорит, думает только о наслаждении. – Их взгляды встретились. – О моем наслаждении.

– Очаровательно, – пробормотала Тристанна слишком сухо. – Есть к чему стремиться. Уверена, когда мы прибудем на место, я в совершенстве овладею этим искусством.

– Я тебе не учитель, Тристанна, а это не школа.

Глядя в его темные глаза, она снова подумала о мифических существах. Он был еще опаснее, чем казался, и теперь она была в его власти.

– Приношу свои извинения, – хрипло сказала она. – Что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Сначала главное, – ответил он, насмешливо глядя на нее. – Почему бы тебе не поприотвествовать меня, как полагается? – Он похлопал себя по колену, едва заметно улыбаясь. – Иди сюда.

Пару мгновений она казалась испуганной и потрясенной, но потом взяла себя в руки так же решительно, как несколько раз до этого. Никос едва не рассмеялся. Он был уверен, что Тристанне Барбери хотелось быть его любовницей не больше, чем переплывать Ионическое море с якорем на шее, но она встала так грациозно, что он не мог не восхититься, и опустилась к нему на колени. Ей удалось сделать это так достойно, как будто сидение на коленях у мужчины было не менее пристойным занятием, чем вышивание. Однако какой бы далекой и холодной она ни выглядела, тело Никоса реагировало на нее совершенно недвусмысленно, пробуждая самые непристойные фантазии.

Он обнял ее, ощущая мягкость кожи и ткани слишком закрытой блузки. Возбуждение нарастало, и воспоминания о том, какой горячей, влажной и страстной она была, только подогревали его. Он сделал глубокий вдох, чтобы не овладеть ею прямо на палубе. Он делает это, чтобы отомстить, дело не только в сексе; он не понимал, почему все время приходится напоминать себе об этом.

От нее пахло так же сладко и пряно, как вчера. Ее волосы пахли яблоками; он распустил их, и они заструились по ее спине, поблескивая на солнце. Она молчала, настороженно глядя на него, ерзая, пытаясь отодвинуться от его паха. Ее ладони лежали на его плечах неуверенно, как будто она боялась прикоснуться к нему.

– Так намного лучше, – сказал он, приближая к ней лицо. – Никто не хочет иметь в любовницах такую невозможную пуританку.

– Я постараюсь выглядеть как можно более распущенно, – твердо ответила она, впрочем продолжая беспокойно ерзать. – Мне растрепать волосы? Ты этого хочешь?

– Для начала будет неплохо, – серьезно ответил он, хотя ему хотелось рассмеяться. Румянец вспыхнул на ее высоких скулах, в глазах зажглось отчаяние, но в целом она держалась независимо. – И надо что-то сделать с твоей одеждой.

– А что не так с моей одеждой? – спросила она, замерев и прищурившись.

– Так одеваются, когда идут знакомиться с родителями, – беспечно заявил он. – Слишком консервативно и скромно.

– А тебе нужны... вызывающие наряды? – Она поиграла желваками. – Жаль, что ты не упомянул об этом вчера: боюсь, я собирала вещи, ориентируясь на твою репутацию человека с безупречным вкусом.

– Мне нужно, чтобы на тебе было как можно меньше одежды, – сказал Никос, – изысканной или нет. – Он провел рукой по ее спине. – Кожа, Тристанна, – прошептал он ей на ухо и улыбнулся, ощутив ее дрожь. – Я хочу видеть твою кожу.

Она приоткрыла рот, но не издала ни звука. Он не знал, зачем она здесь, хоть и собирался выяснить, но он чувствовал притяжение между ними и не хотел игнорировать его – наоборот, оно сделает его месть еще разрушительнее.

– Когдаходишь в комнату, ты должна сначала подойти ко мне, – промурлыкал он, запустив одну руку ей в волосы, другой продолжая гладить по спине. – Ты будешь сидеть у меня на коленях, а не на стуле, пока я не разрешу тебе пересесть.

Он прижался губами к ее уху, скользнул языком по щеке. Она содрогнулась.

– Я поняла, – еле слышно сказала она.

– И ты всегда должна целовать меня в знак приветствия, – прошептал он и накрыл губами ее рот.

По венам Тристанны снова потек жидкий огонь. Она вся обратилась в неистовое желание, скованная его сильными руками, забываясь от прикосновений дразнящих губ. Она хотела забыться полностью, но этого ни за что нельзя было допускать. Тристанна отстранилась и посмотрела Никосу прямо в темные глаза. Его подвижные губы изогнулись в легкой улыбке.

– Благодарю за урок, – сказала она едва слышным шепотом.

Как ему удавалось так легко сводить ее с ума? Часть ее надеялась, что вчерашний страстный выплеск был единичным отклонением, случайностью, однако не время было раздумывать над этим. Она не должна поддаваться страсти. Разве не из-за подобной слабости мать оказалась в руках ее отца?

Тристанна не повторит ее ошибки.

– Он закончен? – Его взгляд скользил по ее лицу, пальцы – по шее сзади; она сдержала дрожь, но ничего не смогла сделать с кровью, прилившей к щекам.

– Конечно, – ответила она, делая вид, что не чувствует жара между ними или, по крайней мере, не обращает на него внимания, напоминая себе о своем прозвище – «ледяная» Барбери. – Мы уже поняли, что в этом отношении отлично подходим друг другу. Может быть, пора исследовать другие стороны?

– По-моему, Тристанна, ты снова не улавливаешь сути занятий, – низким голосом сказал он.

Так просто было бы склониться перед его волей, подумала Тристанна, утопая в его медовых глазах. Он был такой сильный, такой подчиняющий, и не было ничего проще отдать себя в его руки, к чему он явно привык. Вчерашние события были самым ярким тому подтверждением. Это как нырнуть в море – сложнее всего решиться, а все остальное сделает гравитация. Но что будет с ее матерью?

Она вспомнила, как мать плакала над могилой Густава, вспомнила ее ненатуральную, вымученную веселость в последующие недели, ее исхудавшие руки. Да, поддаться просто, но тогда она потеряет все, что у нее было, и не сможет помочь матери. Она должна противостоять ему; она выбрала его именно потому, что никто не смел ему противостоять.

– Вовсе нет, – сказала она, собравшись с духом.

Она отбросила волосы с лица и улыбнулась, хотя его колени были хуже раскаленной плиты. Она сможет спрятать поглубже эмоции и показать ему только то, что нужно. Разве Питер не называл ее холодной и бесстрашной?

– Правда? – иронично спросил он.

Невыносимый!

– Я принимаю твои требования и буду стараться их выполнять, однако быть любовницей значит не только выполнять приказы. – Она лениво провела пальцем по его щеке и подбородку. – Хорошая любовница предугадывает желания своего мужчины, приспосабливается к его настроением, следует за ним повсюду. Это довольно тонкое искусство, не так ли?

– Это вообще не искусство, – ответил Никос, – если ты делаешь все правильно. Слова не могут изменить суть, Тристанна.

– Мужчине не нужно знать законов этого искусства, – легкомысленно сказала она. – Это моя забота. И мне не нужна защита, в особенности от тебя. – Ложь далась ей легко. – Должна признаться, я немного перфекционистка.

Она чуть сдвинулась, предоставляя ему выбор – позволить ей встать или крепче прижать к себе, демонстрируя свою силу. Он выбрал первое, хоть и усмехнулся слегка, но Тристанна была рада даже этой маленькой победе. Он откинулся на спинку стула, прожигая ее взглядом.

– И как же это проявится на сей раз?

– Секс – это слишком примитивно, – бросила она.

Вместо того чтобы сесть на стул, она подошла к поручням и посмотрела на проплывающий мимо красно-золотой берег Франции. Ее ладони были влажные, его жар все еще опалил ее кожу. Она обернулась к нему, стараясь выглядеть беззаботно. Он внимательно посмотрел на нее:

– Я думаю, это зависит от твоего партнера.

Тристанна взмахнула рукой, словно обсуждение секса с Никосом не доставляло ей никаких неудобств.

– Мне больше по душе искусство соблазнения, – продолжила она, словно провела много времени, обдумывая эту тему, а не одну-единственную вчерашнюю ночь, глядя в потолок и размышляя, как же совладать с этим человеком. – Разве не в этом состоят обязанности любовницы? Осуществлять фантазии по требованию, соблазнять, когда этого захочет ее мужчина?

– Я рад, что мы солидарны насчет «по требованию». – Никос потер подбородок. – Это самая важная часть.

– Правда? – Тристанна издала смешок и тут же пожалела об этом: она выдала себя.

Но он просто смотрел на нее, как хищник на жертву. У нее было такое ощущение, что каждое его прикосновение оставило ожог на ее теле.

– Для меня – да, – сказал Никос, помолчав. – По-моему, мы упускаем ключевой момент. Я счастлив, что ты собираешься стать мне хорошей любовницей, но если ты думаешь, что здесь есть место обсуждению, кто главный в отношениях, должен сразу тебя разочаровать.

Ему не надо было как-то подчеркивать свои слова; наоборот, он говорил спокойно и легко, однако от силы, заключенной в словах, завибрировал воздух между ними.

– Ты не так понял меня, – сказала она мягким тоном, каким разговаривала с матерью, когда та совсем теряла голову из-за болезни или от скорби.

Его улыбка стала шире: он понял, что это был за тон.

– Сомневаюсь, – сказал он. – Хотя не хочу ставить под сомнение качество твоего дорогостоящего образования. Может быть, ты подберешь слова попроще, чтобы я смог понять тебя?

В его глазах вдруг мелькнула горечь, но она не стала задумываться почему. Через неделю она вернется с деньгами к матери в Ванкувер, и его горечь останется с ним. Это не ее проблемы.

– Я пытаюсь доказать тебе, что мы не должны заикливаться на сексе. – Она отбросила желание спросить, почему он заговорил об образовании. – Секс – это просто, соблазнение требует более серьезных способностей. Если я хочу хорошо служить тебе, я должна удовлетворять нужды не только твоего тела, но и духа. Нужды тела вторичны, они как десерт, если угодно.

– Дух, – повторил он и покачал головой. – Не дух пригласил тебя сюда, Тристанна.

– А следовало бы, – ответила она, – потому что у нас не будет секса, Никос, только не сейчас и точно не на этой яхте.

Глава 5

Никос рассмеялся весело и заразительно, и Тристанна, удивленно взглянув на него, с трудом подавила желание рассмеяться в ответ.

– И почему меня это не удивляет? – риторически спросил он. – Объясни, пожалуйста, почему я должен с этим согласиться?

– Я только что тебе объяснила, – ответила Тристанна, пытаясь сохранить невозмутимый вид.

– Понятно. – Он слегка покачал головой. – Этого хочешь ты, а что остается мне?

Его тон был беспечен, но взгляд – тяжел. Поглощенная этим взглядом, она едва услышала его, а когда слова наконец достигли мозга, она подумала, что ослышалась. Он что, соглашается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.